

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СУНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годоваго изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ, 3 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою во всѣ города Имперіи. За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб. Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства: С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, дому № 18-й.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРОТОПРЕСВИТЕРА ВОЕННАГО И МОРСКАГО ДУХОВЕНСТВА.

0. Протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства даетъ знать подвѣдомымъ священно-церковно-служителямъ:

1.

Александровскій Комитетъ о раненыхъ отношеніемъ отъ 17-го минувшаго іюля мѣсяца за № 14419 сообщилъ мнѣ, что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Всемилоствѣйше соизволилъ на причисленіе пожертвованныхъ военнымъ духовенствомъ одной тысячи шестисотъ (1600) рублей на призрѣніе одного инвалида въ Николаевской Чесменской военной Богадѣльнѣ къ капиталу этой Богадѣльни, для употребленія процентовъ съ этой суммы, вмѣстѣ съ процентами съ капитала Чесменской Богадѣльни, на содержаніе этой Богадѣльни.

2.

Согласно пункту 5 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго положенія объ управленіи церквами и духовенствомъ военнаго и морскаго вѣдомства, по сношенію съ Г. Военнымъ Министромъ, отправляясь съ 22-го Августа по 22-е Сентября текущаго года для обозрѣнія подвѣдомственныхъ церквей Виленскаго военнаго округа, на время моего отсутствія изъ С.-Петербурга исполненіе обязанностей Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства возлагаю на предсѣдателя въ правленіи при Протопресвитерѣ О. Протоіерея церкви Генеральнаго и Главнаго Штаба Григорія Слоцова.

3.

Окончившій курсъ въ Одесской духовной семинаріи Яковъ *Поповъ* назначенъ псаломщикомъ къ церкви Одесскаго военнаго госпиталя (1895 года 23-го іюня).

На открывшуюся, по силѣ приказа по Воен. Вѣд. 1895 г. № 128, вакансію настоятеля Ковенскаго военно-крѣпостнаго собора назначенъ протоіерей церкви Ви 73-го пѣхотнаго Крымскаго полка Николай *Каллистовъ*, — вторымъ священникомъ къ тому же собору перемѣщенъ священникъ церкви 111-го пѣх. Донскаго полка Константинъ *Гапановичъ*; діакономъ пере-

веденъ діаконъ Тифлисскаго военно-Николаевскаго собора *Петръ Гроздовъ*: къ церкви Крымскаго полка опредѣленъ священникъ Олонецкой епархіи *Василій Розовъ* (8-го іюля 1895 года). Къ церкви Донскаго полка переведенъ священникъ 16-го пѣх. Ладожскаго полка *Михаилъ Мудролюбовъ*, вакансія котораго въ Ладожскомъ полку предоставлена псаломщику Тверской епархіи *Петру Воинову* (8-го іюля 1895 года).

На вакансію діакона къ Тифлисскому собору переведенъ діаконъ Карскаго военно-крѣпостнаго собора *Павель Хуциевъ*, на мѣсто котораго назначенъ діаконъ, на вакансіи псаломщика, С.-Петербургскаго Семеновско-Александровскаго военнаго госпиталя *Стефанъ Голосниукій*; псаломщикомъ къ церкви Семеновско-Александровскаго госпиталя перемѣщенъ псаломщикъ Воронежскаго дисциплинарнаго баталіона *Александръ Благовыщенскій* (8-го іюля 1894 года).

Протоіерей церкви л.-гв. Уланскаго ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА полка *Петръ Троицкій*, за смертію протоіерея *Теодора Смѣлова*, назначенъ настоятелемъ церкви, на вакансію втораго священника къ той-же церкви переведенъ протоіерей церкви Московскаго военнаго госпиталя *Іоаннъ Смоленскій*. Къ церкви Московскаго госпиталя перемѣщенъ благочинный 40-й пѣх. дивизіи, протоіерей 159-го пѣх. Гурійскаго полка предоставлена священнику Чикишлярской военно-мѣстной церкви *Николаю Криницкому*.

Благочинный надъ духовенствомъ 40-й пѣхотной дивизіи назначенъ священникъ церкви 158-го пѣх. Кутаисскаго полка Михаилъ *Нечаевъ*. Въ Чикишлярской военной церкви опредѣленъ священникъ Пензенской епархіи *Василій Ягодинъ* (14 іюля 1895 г.).

4.

НАГРАДЫ

по вѣдомству протопресвитера военнаго и морскаго духовенства.

Священники: 6-го л.-драг. Павлоградскаго полка *Василій Устрицкій* и 123-го пѣх. Козловскаго полка *Сергій Петропавловскій* награждены набедренникомъ—о. Устрицкій—съ благословенія Высокопреосвященнаго Флавіана, архіепископа Холмско-Варшавскаго (16-го іюня 1895 года), о. Петропавловскій—съ благословенія Преосвященнаго Ювеналія, епископа Курскаго (14-го іюня 1895 года).

Псаломщикъ Александро Невской церкви С.-Петербургскаго морскаго госпиталя *Константинъ Тихомировъ* Высокопреосвященнымъ Густиньомъ, архіепископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ, удостоенъ за отлично-усердную службу возведенія *въ санъ діакона*, съ оставленіемъ на занимаемой вакансіи псаломщика (26-го іюня 1895 года).

Исключенъ изъ списковъ:

Умершій протоіерей церкви л.-гв. Уланскаго ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА полка Теодоръ Смѣловъ († 3-го іюля 1895 года).

Отъ Духовнаго Правленія военному духовенству къ свѣдѣнію и надлежащему исполненію.

1) На свѣчномъ заводѣ для церквей военнаго вѣдомства заготовляются свѣчи слѣдующихъ сортовъ:

по 80	} на одинъ фунтъ	по 2	} фунта одна свѣча.
« 60		« 3	
« 40		« 4	
« 20			
« 12			
« 10			
« 6			
« 4			
« 2			
« 1			

Примѣчаніе 1. Имѣются — такъ называемыя діаконскія (для кажденія), свѣчи и поминальныя колоды отъ 3 до 5 фунтовъ.

Примѣчаніе 2. Имѣются золоченыя свѣчи, начиная съ десяти на фунтъ, всѣхъ высшихъ сортовъ. Желаящіе получаютъ свѣчи другихъ, кромѣ указанныхъ размѣровъ и сортовъ, обязуются дѣлать заявленія смотрителю свѣчнаго завода (Константину

Ивановичу Хохлову, станція Старица, Новоторжской желѣзной дороги) заблаговременно, по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли.

2) Для облегченія расходовъ по пересылкѣ, предлагается выписывать свѣчи изъ Главнаго Петербургскаго склада, или съ завода партіями (не менѣе пяти пудовъ. Желательно, чтобы и огарки свѣчные доставлялись на заводъ или въ Главный складъ не фунтами, а пудами, и по возможности въ большемъ количествѣ.

3) О.о. благочинные и настоятели церквей обязаны строго наблюдать, чтобы въ подвѣдомыхъ имъ храмахъ Божіихъ свѣчи употреблялись *обязательно* военнаго, а не другихъ заводовъ. Военный свѣчной заводъ существуетъ недавно, третій годъ, и находится въ особенныхъ—исключительныхъ условіяхъ: благія цѣли, для которыхъ онъ открытъ, могутъ быть достигнуты только тогда, когда операциі его примутъ болѣе или менѣе широкіе размѣры.

4) Не своевременная и замедлительная плата денегъ за полученныя свѣчи поставляетъ администрацію завода въ затруднительное, и невыгодное для дѣлъ заводскихъ, положеніе. Заводъ выстроенъ въ долгъ ¹⁾, на средства, изысканныя О. Протопре-

¹⁾ Четырнадцать (14) тысячъ руб., употребленныхъ на устройство завода съ инвентаремъ и службами, въ концѣ текущаго года будутъ уплачены изъ доходовъ завода, и заводъ дѣлается собственностію Духовнаго Правленія: стало-быть операциі завода въ теченіе трехъ лѣтъ, при неблагоприятныхъ условіяхъ, дадутъ чистаго доходу 14 тысячъ рублей. Утѣшительно.

свитеромъ; никакого запасного капитала не имѣеть: воскъ закупается въ кредитъ, при чемъ неизбѣжна излишняя переплата. Почти во всѣхъ военныхъ церк-вахъ есть запасной капиталъ, изъ котораго, безъ всякаго обремененія, можетъ быть произведена упла-та за полученные свѣчи: зачѣмъ-же замедлять, и этимъ доброе дѣло затруднять?!

5) Всѣмъ священно-служителямъ, завѣдующимъ частными свѣчными складами, О. Протопресвитеръ изъявляетъ искреннюю благодарность за подъятыя ими труды, и просить продлить и усугубить рев-ность свою на пользу вдовъ и сиротъ военнаго духо-венства.

Изъ приказа по 19-й пѣхотной дивизіи отъ 30-го іюня текущаго года въ г. Умань.

1.

Полки 19-й пѣхотной дивизіи!

Въ достопамятный день 18-й годовщины славной обороны и штурма Боязета, 28-го сего іюня, Преосвященный Николай, епископъ Алеутскій и Аляскинскій, бывшій въ Умани проездомъ на родину, благосклонно раз-дѣливъ съ нами братское участіе въ молитвенномъ чествованіи Боязетскихъ героевъ,—отечески благословилъ, въ лицѣ Вашемъ, братцы, всю нашу славную дивизію, образомъ Преподобнаго Сергія Радонежскаго, освящен-нымъ на святыхъ его нетлѣнныхъ мощахъ, почивающихъ въ Троице-Сергіев-ской Лаврѣ, раздавъ при этомъ золотые крестики всѣмъ начальствующимъ лицамъ и участникамъ Боязетскаго сидѣнія.

Св. Сергія Радонежскій, великій подвижникъ Церкви Христовой и доблестный ходатай передъ Господомъ за наше Отечество, въ прежнее тяжелое и трудное для Руси время, помогъ Великому Князю Дмитрію

Донскому разбить наголову на Куликовскомъ полѣ грозныя дотолѣ полчища татарскія, предводительствуемая ханомъ Мамаемъ, и освободилъ такимъ образомъ землю Русскую отъ двухсотшестидесятилѣтняго ига монгольскаго.

Памятуя это, братцы, примемъ столь святой и драгоцѣнный для насъ даръ Преосвященнаго съ благоговѣніемъ и твердымъ упованіемъ, что Преподобный Сергій, своими молитвами и ходатайствомъ передъ Богомъ, поможетъ Вамъ быть и въ будущемъ такими-же честными, вѣрными и храбрыми воинами, такими-же доблестными защитниками Вѣры, Царя и Отечества, какими показали себя воины Великаго Князя Дмитрія Донскаго и какими были и Ваши боевые предки-однополчане во время знаменитой 23-хъ дневной обороны Боязета и славнаго освобожденія этой крѣпости.

Посѣщеніе же полковъ дивизіи Преосвященнымъ Николаемъ, епископомъ Алеутскимъ и Алякинскимъ и его святительское благословеніе, преподанное всѣмъ намъ въ прекрасномъ, глубоко-назидательномъ поученіи, на торжественномъ молебствіи, бывшемъ 28 го іюня, будемъ, братцы, помнить всегда, передавая о томъ изъ рода въ родъ своимъ пріемникамъ по оружію и вознося о немъ, какъ онъ просилъ, свои молитвы Всевышнему.

Образъ Преподобнаго Сергія впредъ хранить при церкви 73-го пѣхотнаго Крымскаго полка, сдѣлавъ для него предварительно подобающій святынь кіотъ съ соответствующею надписью.

2.

Благодаря усиленнымъ трудамъ и замѣчательной энергіи протоіерея 73-го пѣх. Крымскаго полка отца Николая *Каллистова*, въ гор. Умани, изъ казеннаго инженернаго зданія, вовсе не приспособленнаго для церкви, въ настоящее время воздвигнуть великолѣпный, обширный военный храмъ во имя Святаго Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго и Преподобной Ксеніи. Инициатива, по сооруженію здѣсь этой церкви, также всецѣло принадлежитъ протоіерею Каллистову;—вслѣдствіе его-же неутомимой энергіи и дѣятельности, послѣдовало и самое разрѣшеніе вопроса о постройкѣ этой церкви и довольно быстрое сооруженіе оной; при этомъ, онъ-же своими личными трудами и ходатайствомъ обогатилъ вновь выстроенную церковь массою добровольныхъ пожертвованій.

Признательные къ трудамъ протоіерея Каллистова, чины штаба корпу-

са, штаба и полковъ дивизіи Уманскаго гарнизона и другіе служащіе въ г. Умани чины, по добровольной подпискѣ, собрали сумму до 400 руб., для пріобрѣтенія и поднесенія отцу Николаю Каллистову—золотого, украшеннаго дорогими камнями, наперснаго креста на добрую память о его усиленныхъ, незабвенныхъ трудахъ по сооруженію здѣсь, во славу и на утвержденіе Православія въ этомъ краѣ военнаго храма, этого вѣчнаго памятника пребыванія здѣсь полковъ 19-й пѣхотной дивизіи. Протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства, при отзывѣ ко мнѣ, отъ 5-го мая сего года за № 6250, съ особеннымъ душевнымъ утѣшеніемъ, благословивъ мое объ этомъ представленіе, изволилъ (ордеромъ отъ того-же числа за № 6251) разрѣшить протоіерею отцу Николаю Каллистову принять и носить этотъ крестъ, 28 го сего іюня, въ достопамятный день годовщины штурма и обороны крѣпости Боязета; при торжественной обстановкѣ, послѣ мслебствія, крестъ этотъ былъ возложенъ на него присутствовавшимъ при молебствіи Преосвященнымъ Николаемъ, епископомъ Алеутскимъ и Аляскинскимъ.

Нынѣ, привѣтствуя симъ, какъ отъ себя, такъ и отъ всей дивизіи о. протоіерея Николая Каллистова, выражаю ему вновь душевную свою признательность за всѣ его усиленные труды, сопряженные съ проповѣдническою дѣятельностію, и хлопоты по сооруженію въ гор. Умани военнаго храма, постройка коего является здѣсь насущною потребностію, столько-же для войскъ, какъ и для всѣхъ православныхъ этого города и края.— Подлинный подписалъ: Начальникъ дивизіи, Генераль-Лейтенантъ *Ломакинъ*.

Изъ приказа по 24-му пѣхотному Симбирскому полку отъ 5-го іюля
текущаго года.

Священникъ командуемаго мною полка о. Николай *Ярославцевъ*, распоряженіемъ Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства переведенъ въ 16-й гренадерскій Мингрельскій полкъ.

Оцѣнивая дѣятельность о. Николая за время командованія моего полкомъ, вмѣняю себѣ въ непремѣнный долгъ выразить ему особую мою душевную признательность, какъ пастырю, который примѣрнымъ исполненіемъ обязанностей служителя алтаря всегда обращалъ особое мое вниманіе, а

своею истинно-христіанскою жизнью служилъ лучшимъ примѣромъ для своихъ пасомыхъ.

Выдержанность, прямота души, доброта сердца, правильное пониманіе своего положенія и замѣчательный служебный тактъ, вотъ тѣ черты, которыя украшали и будутъ украшать дальнѣйшее его служеніе.

Забываясь вмѣстѣ съ ктиторомъ церкви о благолѣпіи полковой церкви, о. Николай много способствовалъ привлеченію значительнаго числа молящихся въ храмъ Божій. Подлинный подписалъ Командующій полкомъ Генералъ-Маіоръ *Арцишевскій*.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

С Л О В О

на первой литургіи послѣ обновленія Колпинской Троицкой церкви
(о томъ, что жертвы на храмы Божіи угодны Господу).

*Господи, возлюбихъ благолѣпіе дому Твоему
и мѣсто селенія славы Твоея (Псал. 25, 8).*

Любовь ко храму Божію, желаніе созерцать въ немъ красоту Господню были столь сильны у св. Царя Псалмопѣвца, что онъ одного только просилъ у Господа, какъ говоритъ самъ о себѣ, чтобы пребывать ему въ домѣ Господнемъ во все дни жизни его, созерцать въ немъ красоту Господню и посѣщать святой храмъ Его (Псал. 26, 4). И столь велика была ревность его о благолѣпіи и красотѣ селенія славы Божіей, вмѣстилищемъ коей во дни его служила полотняная скинія свидѣнія, что онъ не могъ мириться съ мыслию, что самъ живетъ во дворцѣ кедровомъ, а кивотъ завѣта Господня стоитъ подъ шатромъ (1 пар. 17, 1). Если ветхозавѣтный царь-праведникъ столько любилъ и такъ ревновалъ о красотѣ и благолѣпіи ветхозавѣтнаго святилища Божія, то не съ большею ли еще любовью и усердіемъ должны мы, христіане православные, радѣть о благоустроеніи и благоуукрашеніи нашихъ православно-христіанскихъ храмовъ, ко-

торыхъ древняя скинія была только прообразомъ, отдаленною тѣнью? Святыней и славою ветхозавѣтной скиніи былъ кивотъ завѣта съ каменными скрижалями закона. Правда, эти скрижали съ написанными на нихъ заповѣдями даны были самимъ Богомъ Моисею на горѣ Синаѣ. Но не сравнено высшею святынею нашихъ христіанскихъ храмовъ служитъ находящійся въ каждомъ изъ нихъ престолъ Царя славы, на которомъ совершается таинственное священнодѣйствіе Тѣла и Крови Христовой. Каждый изъ нашихъ христіанскихъ храмовъ есть подлинно та священная сіонская горница, въ которой на послѣдней вечери съ учениками Господь и Спаситель нашъ преподавъ въ снѣдь вѣрующимъ пречистую плоть и пречистую кровь свою. Престолъ христіанскаго храма есть истинная Голгоѳа, на которой Христосъ пріялъ крестную смерть за грѣхи наши; онъ есть вѣстѣ и гробъ, изъ котораго триневенъ воста Господь, поправъ смертію смерть. Послѣ этого есть ли и можетъ ли быть для христіанина мѣсто на землѣ дорожке, святѣе и священнѣе храма Божія? Не даромъ Церковь святая называетъ его небомъ, когда въ одномъ изъ церковныхъ молитвословій говоритъ: «въ храмѣ стояще славы Твоея, Господи, на небеси стояти унимъ». Храмъ Божій для насъ христіанъ есть духовный Фаворъ, откуда на насъ грѣшныхъ возсіяваетъ присносущный свѣтъ Божественной благодати. Здѣсь мы пріяли спасительное крещеніе, здѣсь заключены были нами на всю жизнь святые обѣты брачныя, здѣсь очищаемъ мы грѣхи свои таинствомъ покаянія, здѣсь же вступаемъ въ самое тѣсное соединеніе со Христомъ, Господомъ и Спасителемъ, посредствомъ приобщенія тѣла и крови Его. Можно ли быть намъ равнодушными къ благолѣцію и красотѣ этого святилища Божія? Можно ли, простительно ли нерадѣть объ украшеніи и убранствѣ этой обители Отца Небеснаго, источающей намъ освященіе, а съ нимъ и спасеніе, когда мы столько хлопочемъ о благообразіи и убранствѣ собственныхъ жилищъ?

Но говорятъ, что церкви убранство не нужно и богатыя украшенія въ ней—излишни и, какъ любятъ выражаться нынѣ, непроизводительная затрата, и что разумнѣе было бы все эти цѣнности, употребленныя на украшеніе храма, обратить на благотворительныя учрежденія, на пособіе нуждающимся. Правда, такихъ рѣчей отъ простаго русскаго человѣка, вѣрующаго въ простотѣ сердца, мы не услышимъ; говорятъ такія рѣчи обыкновенно наши сектанты: молокане, штундисты, пашковцы и имъ подобные кривовѣры. Въ этихъ рѣчахъ звучитъ голосъ Иуды-предателя, рошущаго

на затрату драгоцѣннаго міра, изліяннаго Марією на ноги Спасителя. «За чѣмъ эта трата? Богъ въ нашихъ приношеніяхъ и жертвахъ не нуждается, разумнѣе было бы обратить ихъ въ сребренники и раздать нищимъ». Поистинѣ—Іудино разсужденіе, столь многихъ соблазняющее своею кажущеюся благовидностью и основательностью. То правда, что Господь Богъ не имѣетъ нужды въ нашихъ приношеніяхъ вещественныхъ. «Аще взалчу, говоритъ Онъ, не реку тебѣ: моя бо есть вселенная и исполненіе ея (Ос. 49, 12)»; «Мое серебро и мое злато (Ап. 2, 9)». Но мы то сами, получившіе всѣ блага жизни, вмѣстѣ съ нею самою, отъ щедротъ Творца своего, имѣемъ нужду и голосомъ собственнаго сердца и совѣсти побуждаемся быть благодарными Ему. А чѣмъ намъ выразить эту благодарность Богу, указываетъ Онъ же Самъ словами Писанія: «Сыне, даждь ми твое сердце». (Прит. 20, 26). За всѣ блага, данныя намъ, вмѣстѣ съ жизнью, Творцомъ вселенной, въ чувствѣ благодарности къ Нему мы должны отдать Ему свое сердце, т. е. всю любовь свою посвятить Господу Богу. А тому, кто отдалъ Богу все свое сердце, само же сердце подскажетъ отдать Ему и всѣ сокровища. Потому что—гдѣ сокровище человѣка, тамъ и сердце его, и, наоборотъ, куда обращено сердце человѣка, туда направляются естественно и всѣ сокровища его. Вотъ гдѣ побужденіе и источникъ нашихъ приношеній вещественныхъ и жертвъ Господу Богу на храмы Божіи, на ихъ созиданіе и украшеніе. Всѣ эти вещественныя приношенія суть плоды нашей благодарности, нашей любви къ Богу Спасителю. Нуждается ли Царь земной въ нашихъ подношеніяхъ ему хлѣба-соли? Разумѣется, нѣтъ. Но живущее въ насъ чувство вѣрнопопданнической преданности и любви къ нему побуждаетъ насъ при всякомъ подходящемъ случаѣ, выражать предъ нимъ свои добрыя чувства. Такъ и приношенія наши Богу. Не Богъ въ нихъ нуждается, а наше собственное сердце, когда оно не омрачено маловѣріемъ и не подавлено скупостью, зоветъ насъ къ этимъ приношеніямъ. И благодареніе Богу! Обиліе на Руси храмовъ Божіихъ и ихъ благолѣпіе ясно свидѣлствуютъ, что любовь къ Богу, ревность о красотѣ дома Божія и готовность къ жертвамъ на его украшеніе въ сердцахъ русскихъ людей живы и дѣйствительны и нынѣ, какъ и въ былыя времена.

Не послѣднимъ свидѣтелемъ этой отрадной, утѣшительной истины можетъ служить и нашъ св. храмъ, обновленіе коего мы нынѣ свѣтло празднуемъ. Не что иное, какъ любовь къ Богу и святая ревность о благолѣпій дома Божія, о красотѣ селенія славы Его, присущія многимъ почита-

телямъ святыни нашего храма, дали намъ средства привести его въ настоящій свѣтлый, благолѣпный и благоукрашенный видъ, подobaющій святынѣ Господней. Да будетъ слава и благодареніе отъ нынѣ и до вѣка тако благоизволившему Господу. Да будетъ милость Божія и молитвы нашего покровителя—угодника Христова Святителя Николая со всѣми любящими благолѣпіе дома Господня, плодоносящими и добродѣющими во святѣмъ и всечестнѣмъ храмѣ семь. Да воздасть имъ Господь за ихъ приношенія вещественныя и тлѣнныя благами духовными, вѣчными.

При этомъ считаю долгомъ своимъ исповѣдать предъ вами, братія сего святаго храма, что его настоящимъ благолѣпіемъ мы обязаны прежде всего нашему благопопечительному духовному начальнику, О. Протспресвитеру Александру. Лѣтомъ минувшаго года онъ не только разрѣшилъ, но и поставилъ намъ въ непремѣнную обязанность озаботиться возобновленіемъ потемнѣвшихъ отъ времени украшеній храма. И вотъ Богъ и добрые люди помогли намъ исполнить сіе святое дѣло. Самое живое участіе и самую существенную помощь въ немъ и совѣтомъ и дѣломъ оказалъ намъ нашъ здѣшній начальникъ такъ близко къ своему сердцу принимающій всѣ нужны здѣшняго населенія, не только матеріальныя, но и нравственныя. Среди многочисленныхъ заботъ и трудовъ по управленію заводомъ, онъ всегда съ готовностью и любовью находитъ время и для заботъ о благоустройствѣ нашего св. храма. А обиліемъ свѣта въ нашемъ храмѣ мы обязаны исключительно усердію Николая Андріановича ¹⁾. Погрѣшилъ бы я предъ истинной, если бы не упомянулъ предъ вами и еще объ одномъ радѣтелѣ нашего храма, приносящемъ на его благоустройство и украшеніе уже не первую богатую жертву. Церковный староста нашъ ко дню обновленія храма, для вѣщаго украшенія его, пожертвовалъ три весьма цѣнныхъ и изящныхъ паникадила, безъ которыхъ не полно было бы его убранство. Кромѣ этой, весьма щедрой вещественной жертвы, онъ, вмѣстѣ съ ктитормъ, пожертвовалъ много и времени, и труда на руководство и усердный присмотръ за продолжительными работами въ храмѣ.

Скажемъ, братіе, этимъ радѣтелямъ и благодателямъ его свое сердечное спасибо и помолимся, да воздасть имъ Господь сторицею за усердіе ихъ.

Въ заключеніе, для нагляднаго и болѣе твердаго убѣжденія вашего въ томъ, что наши жертвы на украшеніе храмовъ Божіихъ угодны Богу и

¹⁾ Недавно волею Божіею почившаго. Вѣчная, благодарная память ему.

привлекають къ намъ милосердіе Господа и Царицы Небесной, укажу изъ житій святыхъ слѣдующій примѣръ. Преп. Еразмъ, инокъ Печерскій, былъ въ мірѣ очень богатъ. Но принявши монашество, изъ послушанія обѣту нестяжательности и изъ любви къ благолѣпію храмовъ Божіихъ, онъ все свое богатство употребилъ на украшеніе церкви Печерской, на многіе иконы, въ которой соорудилъ золотыя и серебряныя ризы. Сначала преподобный проводилъ жизнь благочестивую, а потомъ впалъ въ нерадѣніе, а съ нимъ и въ искушенія отъ людей и отъ діавола. Какъ бѣдняка, люди стали презирать его, а діаволь сталъ смущать мыслями: «ты расточилъ имѣніе на храмъ,—за это не будетъ тебѣ никакой награды отъ Бога,—лучше бы ты сдѣлалъ, если бы роздалъ его нищимъ». Смущенный этими мыслями, Еразмъ впалъ въ уныніе и отчаяніе и, проводя жизнь въ лѣности, вскорѣ заболѣлъ такъ, что лишился зрѣнія и языка и былъ близокъ къ смерти. Однажды иноки, собравшись въ его келью и видя его страданія, говорили между собою: «горе душѣ его, онъ мучится за то, что провелъ жизнь свою въ лѣности и грѣхахъ». Но, къ великому изумленію иноковъ, Еразмъ вдругъ всталъ совершенно здоровымъ и рассказалъ, что онъ видѣлъ преподобнаго Антонія и Θεодосія, которые возвѣстили ему, что по молитвамъ ихъ Богъ даетъ ему время на покаяніе, затѣмъ онъ узрѣлъ Пречистую Богородицу, которая сказала ему, что за украшеніе церкви ея иконами онъ будетъ украшенъ и возвеличенъ славою въ царствѣ Сына Ея. При этомъ повелѣла ему раскаяться въ грѣхахъ и принять схиму, а чрезъ три дня обѣщала взять его чистымъ на небо. Еразмъ покался предъ всеми въ грѣхахъ своихъ, былъ постриженъ въ схиму и на третій день, дѣйствительно, скончался. Святая душа его за великое усердіе къ дому Божію получила покой и блаженство въ сонмѣ святыхъ небожителей, а бранные останки тѣлесныя прославлены отъ Господа нетлѣніемъ и почиваютъ открыто въ пещерахъ Святой Лавры славнаго Кіева.

Теперь вы сами видите, какъ спасительны и какъ нужны не для Бога, а для насъ самихъ наши жертвы на храмы Божіи. Не вѣрьте же и не слушайте тѣхъ, кто говоритъ, что бесполезно жертвовать на храмъ, а лучше помогать не имущимъ. Вѣдь это же самое утверждалъ Иуда предатель, это же думалъ и преп. Еразмъ, когда былъ смущаемъ діаволомъ. Аминь.

Коллинскій Троицкой церкви Протоіерей Михаилъ **Георгіевскій**.

РАЗСКАЗЪ.

Дурная компанія губить и хорошаго человѣка.

*Сыне мой! Если грѣшницы будутъ
обольщать тебя, не соглашайся... не хо-
ди въ путь съ ними. (Прит. 1. 10. 15).*

Привольно и живописно раскинулось на берегу небольшой извилистой рѣчки село Шестеринцы, съ трехъ сторонъ охваченное густымъ сосновымъ лѣсомъ, словно огромной зеленой подковой. Смиренно и какъ то пугливо глядятъ на свѣтъ Божій убогія, старыя крестьянскія избушки села. Почернѣвшія отъ осеннихъ непогодъ соломенные крыши, закопченные, полуразрушенныя плетневыя трубы, маленькія, потемнѣвшія отъ грязи окна, мѣстами чуть виднѣвшіяся изъ-за высокаго бурьяна, — все это какъ то боязливо глядѣло на роскошный темнозеленый лѣсъ, словно сознавая свое печальное ничтожество. Одна только хата, стоящая на пригоркѣ, окруженная вишневыми деревьями, выдѣлялась своимъ наружнымъ видомъ. Построенная изъ прочныхъ сосновыхъ бревенъ, покрытая тесомъ, съ высокой досчатой трубой, съ узорчатыми выкрашенными ставнями, она гордо смотрѣла на лѣпившіяся вокругъ нея лачужки. Обширная усадьба, на которой стояла эта хата, полосой тянулась среди крошечныхъ крестьянскихъ усадебъ; одной стороной она прилежала къ берегу рѣчки, вдоль которой красивымъ зеленымъ бордюромъ тянулись могучія вѣтвистыя вербы, а другой упиралась въ ограду погоста приходской церкви, въ которой, пишущему эти строки, волею Провидѣнія суждено было священствовать; тутъ же не подалеку расположены были и постройки сельскаго причта.

Въ указанной выше хатѣ жилъ владѣлецъ ея крестьянинъ Макаръ Визнюкъ съ женой Матреной и пасынкомъ Назаромъ. Лѣтъ десять тому назадъ Макаръ возвратился въ родное село изъ полка, расположеннаго гдѣ то на далекой окраинѣ Россіи. До поступленія въ военную службу Макаръ, круглый сирота, жилъ нѣсколько лѣтъ въ работникахъ у Шестеринскаго пономаря Ефима Ивановича. Вотъ какъ отзывался о Макарѣ его бывший хозяинъ. «Несуразный онъ былъ какой-то, нерасторопный и мало понятливый. Бывало упрѣшь съ нимъ, пока къ какому дѣлу пристроишь, но за то, правду нужно сказать, невзыскательный ни къ пищѣ, ни къ одежѣ, честный, трудолюбивый

и недорогой работникъ. Плохо давалась ему грамота. Въ длинныя, зимніе вечера, въ досужіе часы, бывало, долбишь съ нимъ букварь, долбишь и все безъ толку; три зимы съ нимъ бился и еле-еле славянскую грамоту одолѣлъ. Да и то бывало заставишь его въ церкви при людяхъ прочесть что либо, такъ онъ перепугается: и пикъ, пикъ..., только сраму натерпишься изъ-за него. Ужъ право не знаю, говорилъ пономарь, или малый безталанный былъ, или не умѣло съ женою мы учили его. Такъ мы его малограмотнаго со старухой и въ солдатчину спровадили. Но вотъ прошло шесть лѣтъ; Макарь возвратился въ родное село, къ общему удивленію нашему совсѣмъ другимъ человекѣмъ. Мѣшковатый онъ былъ какой-то, сутуловатый, а тутъ глядимъ выровняли его въ службѣ, выпрямили точно тополь молодая сталъ; одѣтъ чисто, унтеръ-офицерскія нашивки заслужилъ, рѣчь и обращеніе не мужицкое, обходительный такой... Какъ только явился въ село, такъ прямо ко мнѣ. Собирался я какъ то въ городъ, вспоминалъ пономарь. Вотъ сижу я въ избѣ и хомуть прилаживаю. Скрипнула дверь; поднялъ я голову и вижу—какой то военный входитъ. Бросилъ это я работу, поднялся... «Ошиблись, говорю, должно быть, господинъ... вамъ къ батюшкѣ?...» Онъ остановился у порога и улыбается. Что, думаю, за притча такая? Постоялъ онъ, посмотрѣлъ на меня еще малость да и говоритъ: «Ефимъ Ивановичъ! не узнаете? Здравствуйте, говорите; имѣю честь явиться къ своему бывшему хозяину и почтеніе засвидѣтельствовать!» Всмотриваюсь: батюшки! да вѣдь это Макарь! Я было бросился обнять его, а онъ: «нѣтъ, позвольте, говорить, руку вашу облобызать; отцомъ вы мнѣ были роднымъ, отцомъ и останетесь...» Тутъ старуха моя въ избу вошла, онъ и къ ней также почтительно къ рукѣ.... Диву мы дались; старуху мою даже слеза прошибла; ужъ поистинѣ: «ученье свѣтъ, — а не ученье тьма». Усѣлись это мы съ Макаромъ, разговорились, я и про поѣздку свою забылъ. Старуха моя на столъ собрала закусить, что Богъ послалъ. Поднесъ я ему было шкаликъ на радостяхъ,—точно роднаго сына увидѣлъ... «Благодарствую, говоритъ, совсѣмъ не пью». Что такъ? удивились мы, правда и у меня то онъ неохотъ былъ. «Я, говоритъ, членомъ общества трезвости въ своей ротѣ былъ, хмѣльнаго и въ ротъ не беру; такой, говоритъ, уговоръ у насъ былъ, что когда и домой воротимся чтобы ни-ни...» Переглянулись мы со старухой, какъ то не по себѣ намъ стало: точно пристыдилъ онъ насъ. Посидѣли мы, побалагурили еще, ирешнее житіе вспомянули; а старуха моя и говоритъ: «что же, Макарь Павловичъ, осмотрѣвшись, оглядѣвшись, жениться

бы вамъ теперь, и невѣста подходящая для васъ, она примѣтъ десть». — «Ну, это успѣется, говорить, а вотъ перво на перво, говорить, дождавши воскресенья, въ храмъ Божій сходить, да Господу Богу благодарственный молебень отслужить... а тамъ, что же, и невѣсту можно будетъ приглядѣть». — Да, чудныя дѣла Твои Господи, — закончилъ пономарь свои воспоминанія; вотъ что значить школа то хорошая! вздохнулъ онъ, вспоминая давно прошедшіе годы своей бурсацкой жизни.

Мѣсяца черезъ три Макаръ женился на вдовѣ не много старше его лѣтами, у которой былъ сынъ подростокъ отъ перваго мужа. Онъ взялъ за женой хорошую хату, усадьбу, достаточный хозяйственный инвентарь и принялся усердно хозяйничать. Хорошо грамотный, толковый и вполне трезвый, Макаръ занялъ скоро выдающееся положеніе среди темной среды своихъ односельчанъ. Къ нему, какъ «письменному», обращались крестьяне за совѣтомъ по своимъ частнымъ дѣламъ, и ему же нерѣдко предоставлялся рѣшающій голосъ въ дѣлахъ цѣлаго общества на сходахъ. Макаръ умѣло и толково пользовался своимъ положеніемъ въ обществѣ, и посвятилъ на нужды его свой трудъ и свои познанія. Бѣдныя общественныя средства не позволяли имѣть постоянного учителя въ церковно-приходской школѣ, а потому послѣдняя часто пустовала. Макаръ, окончившій курсъ въ учебной командѣ, согласился на предложеніе приходскаго священника занять въ Шестеринцахъ учительскую должность. Велъ онъ ученье такъ успѣшно, что получилъ даже благодарность отъ мѣстнаго благочиннаго, ревизовавшаго школу. Крестьяне были довольны своимъ учителемъ; они гордились имъ передъ сосѣдами, нанимавшими учителей изъ уѣзда и даже губерніи. Занимаясь въ школѣ, Макаръ исполнялъ обязанности сельскаго писаря и не рѣдко за отсутствіемъ старосты замѣнялъ и его на сходахъ. Успѣвая въ школѣ и въ сборной избѣ, Макаръ при помощи работника, жены и пасынка велъ и свое хозяйство. Прошло два года и Макаръ «великій человѣкъ въ громадѣ»: онъ сельскій староста, единогласно выбранный сельскимъ обществомъ на эту должность. Макаръ и тутъ на своемъ мѣстѣ. Онъ привелъ въ порядокъ общественное хозяйство, отремонтировалъ общественный хлѣбный магазинъ, перестроилъ плохенькое зданіе сельской школы, уговорилъ общество крестьянъ получаемыя за право торговли въ ихъ селѣ водкой деньги употреблять на наемъ учителя и школьныя принадлежности. Самъ онъ ѣздилъ за нимъ въ городъ, обращался въ дирекцію и къ великому удовольствію батюшки и прихожанъ учитель оказался хорошій и благонадежный. Начальство хвалило Макара за

служебную исполнительность, родная деревня была довольна своимъ старостой за его правдивость и безкорыстіе. Года черезъ три начали поговаривать уже, что староста Макарь будетъ назначенъ старшиною, но этими слухами дальнѣйшей карьерѣ Макара суждено было закончиться. Къ великому недоумѣнію въ старостѣ начала замѣчаться перемѣна. Измѣнялся Макарь постепенно и прежде всего въ своей семейной частной жизни. Сначала глухо, какъ раскаты далекаго грома, а потомъ все яснѣе пошли слухи, что въ усадьбѣ Макара творится что то не ладное, что между супругами начался разладъ, несогласія, принимающія нерѣдко весьма некрасивыя формы. Потомъ стали говорить, что староста бьетъ свою жену. Какъ потомъ обнаружилось, слухи были справедливы. Матрена тихая и скромная женщина, стыдась своего позора, скрывала его отъ постороннихъ и ревниво оберегала репутацію своего любимаго мужа. Между тѣмъ Макарь сталъ все чаще и чаще «пошаливать». Ничего прежде не пившій, онъ сталъ являться домой навеселѣ, а то и совсѣмъ пьянымъ. Бѣдная женщина сердцемъ чужала грозящую бѣду, но не знала, какъ устранить ее. На тревожные вопросы: «гдѣ былъ?» «гдѣ напился?» Макарь или молчалъ, или объяснялъ ей, что ему—старостѣ нельзя не поддерживать благородную компанію». И что онъ пилъ не водку, а ромъ и вино. Конечно такое объясненіе не удовлетворяло Матрену, она плакала, просила не пить, не губить себя. Макарь успокаивалъ жену, общался, но скоро опять напивался. Иногда являлся онъ домой пьянымъ и злымъ; онъ какъ бы нарочно искалъ ссоры съ женой и наносилъ ей побои. Чтобы избѣжать оскорбленій, бѣдная женщина должна была прятаться отъ ярости мужа сперва въ огородъ, на гумнѣ, а потомъ, когда Макарь эти тамъ находилъ ее, она, не скрывая уже своего горестнаго положенія, бѣжала къ сосѣдямъ просить пріюта, пока мужъ проспится и вытрезвится. Проспавшись, Макарь искалъ жену, просилъ у нея прощенія за несдержанныя обѣщанія, клялся, что броситъ городскую компанію. Однако проходила недѣля—другая, Макарь отлучался изъ дому, опять напивался и опять повторялась безобразная семейная драма. Очевидно становилось, что Макарь тяготится семьей и окружающею обстановкой. Онъ все чаще началъ отлучаться въ городъ «по дѣламъ», гдѣ и пропадалъ по нѣскольку дней. Матрена знала уже, что мужъ ея гуляетъ въ городѣ съ веселой компаніей въ обществѣ городскихъ барышень, что онъ безумно тратитъ деньги, что играетъ въ карты, пьетъ вино и водку; но исправить свихнувшагося супруга она была не въ силахъ; молча она выслушивала

печальныя вѣсти и молча тосковала. Макаръ началъ возвращаться изъ города перѣдко въ компаніи неизвѣстныхъ ей людей, одѣтыхъ по городскому. Онъ приказывалъ женѣ ставить самоваръ и обращался съ ней грубо. На столѣ появлялись бутылки, городская закуска и начиналась пьяная оргія. Жутко было хозяйкѣ — Матренѣ въ этомъ чуждомъ для нея обществѣ. Назаръ, ея родной Назаръ, также много терпѣлъ обидъ отъ отчима, когда послѣдній являлся пьянымъ изъ города. Онъ избѣгалъ съ нимъ встрѣчь, находя себѣ работу то въ полѣ, то на гумнѣ, въ огородѣ; работника Макаръ отпустилъ и все хозяйство возложилъ на жену и пасынка. Въ дни паѣзда Макаровыхъ гостей Матрена уходила къ сыну, когда онъ былъ въ усадьбѣ и въ обществѣ роднаго дѣтища отдавалась своему безысходному горю. Бывало, увидѣвъ Матрену, сосѣдъ ея пономарь Ефимъ перелазилъ черезъ плетень, садился рядомъ и начиналъ сочувственно печаловаться о горькой долѣ Матрены; иногда къ этому обществу присоединялась пономариха и другія сердобольныя сосѣдки. Тутъ они сообща держали совѣтъ, что предпринять, какъ наставить Макара на путь истинный, который, какъ выражался пономарь, «съ безбожниками путается и пагубу себѣ творить». Однако мѣры, предпринимаемые друзьями Матрены, не имѣли успѣха. Заклинанія старухъ, заговоры ворожей не помогали; на увѣщанія и просьбы старика пономаря Макаръ отвѣчалъ пасмѣшками; въ церковь онъ пересталъ ходить, избѣгалъ всякаго общенія съ приходскимъ батюшкой. «Точно взбѣсился человекъ», говорили о немъ въ деревнѣ. Дѣйствительно Макаръ бѣсновался; онъ точно попалъ въ ужасный водоворотъ, который уродовалъ его нравственный обликъ.

Частыя отлучки въ городъ, знакомство и кутежи съ какими-то подозрительными скрутчиками, небрежныя отношенія къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, — все это стало извѣстно властямъ. Сдѣлана была ревизія общественныхъ суммъ, запаснаго хлѣбнаго магазина и обнаружены вездѣ прорѣхи и недочеты. Думали, что Макара «засудятъ», но дѣло обошлось тѣмъ, что староста Макаръ былъ лишень должности, а растрата была имъ скоро пополнена. Макаръ повидимому былъ даже доволенъ, когда мировой посредникъ приказалъ ему снять старостинъ знакъ и передать его другому. «У меня и своего дѣла много, будетъ съ меня, послужилъ обществу», говорилъ потомъ Макаръ.

Когда я прибылъ въ приходъ, то засталъ уже Макара въ полномъ нравственномъ упадкѣ. «О дѣлахъ Макаровыхъ» ходили дурныя слухи. Говорили

что Макарь злой, мстительный челоуѣкъ, что въ пьяномъ состояніи онъ способенъ на самое ужасное дѣло. Въ послѣдній годъ онъ вошелъ въ стачку съ конокрадами и обездолил нѣкоторыхъ своихъ односельчанъ. Онъ такъ ловко и гладко велъ свой ужасный промыселъ, что никакихъ уликъ противъ него нельзя было собрать, а между тѣмъ всѣ знали, что Макарь орудуетъ преступнымъ ремесломъ. Макара я видѣлъ всего раза два. Неприятное впечатлѣніе произвелъ онъ на меня своими манерами, развязностию и лъстивой рѣчью. Матрена нѣсколько разъ приходила ко мнѣ жаловаться на своего мужа. «Бѣсъ въ него вошелъ, связался съ подлой компаніей, она и загубила его, а онъ былъ добрый, умный такой!» плакала бѣдная женщина. Чуетъ сердце, что погибли всѣ мы, говорила мнѣ какъ то Матрена, нечистымъ дѣломъ сталъ онъ орудовать. Назара было залучилъ въ свою компанію, да я выплакала его у Господа, образумился и отсталъ. Поговорите, батюшка, съ нимъ по душѣ, быть можетъ образумится». Я общалъ сдѣлать все, что могъ. Однако поговорить съ Макаромъ по душѣ мнѣ не удавалось; онъ очевидно дичился, избѣгалъ меня. Такъ прошелъ почти годъ въ безплодныхъ попыткахъ залучить къ себѣ свихнувагося Макара, разгадать его внутренній міръ и повліять на нравственное отрезвленіе.

Былъ канунъ воскресенья. Тихій, лѣтній вечеръ стоялъ надъ селомъ III. Солнце скрылось за горизонтомъ, озаривъ его матовымъ, пурпуровымъ свѣтомъ. Крикъ кукушки и пронзительный свистъ иволги раздавались въ тишинѣ зеленаго лѣса. Село, почувавъ освѣжающую прохладу, оживилось: замычали по крестьянскимъ дворамъ коровы, заблеяли овцы. Тяжело нагруженные душистымъ сѣномъ возы, скрипя плохо подмазанными колесами, потянулись по улицѣ. Сбоку воевъ медленной поступью шли крестьяне съ перекинутыми на плечи вилами, косами, граблями и съ коротенькими трубками въ зубахъ. За ними бѣжали всевозможные рябки, жучки, сѣрки, проводившіе день въ полѣ и теперь возвращавшіеся вмѣстѣ съ хозяевами. Высыпала откуда то большая гурьба ребятишекъ съ лицами, вымазанными до самыхъ ушей всевозможными ягодами, въ длинныхъ неимовѣрно грязныхъ рубашенкахъ. Барахтаясь среди дороги въ песокъ, подымали они цѣлыя тучи пыли, оглашая въ то же время воздухъ криками и звонкимъ заливымъ смѣхомъ. Я сидѣлъ у себя на крылечкѣ и, опустивъ на колѣни бывшую у меня въ рукахъ книгу, любо-

вался своеобразной картиной деревенской жизни. Раздавался церковный благовѣстъ къ вечерни. Я приподнялся и хотѣлъ было уйти, чтобы собраться въ церковь, какъ скрипнула калитка и показался мой церковный староста Никита. Обнаживъ наполовину облысѣвшую и лоснящуюся, какъ слоновая кость, голову, расправивъ лохматые усы и бороду, онъ медленно поступью подошелъ ко мнѣ и принялъ благословеніе. Умное и доброе лицо Никиты показалось мнѣ озабоченнымъ; между бровей обозначалась глубокая складка—признакъ, что Никита чѣмъ то встревоженъ и огорченъ.

—Что хорошаго, Никита? обратился я къ нему просто, ласково.

Никита несразу отвѣтилъ. Онъ какъ то особенно повелъ усами, чмокнулъ, поскребъ по щекѣ всей пятерней свою обильную растительность и сердито промолвилъ:

—Бѣда съ этими бабами, ты ей и такъ и этакъ, а она все свое, сказалъ Никита, какъ бы продолжая раньше начатый съ кѣмъ разговоръ, и безнадежно глянулъ въ сторону.

—Что случилось? какая баба? удивился я.

—Да вотъ, староста мотнулъ головой по направленію къ церкви, Матрена Визнюкова раскудахталась тамъ, точно курица; ты, говорю я, толкомъ расскажи, какой такой у тебя старой младенецъ нашелся, про какія похороны ты мелешь, а она все свое: «утробный ты мой голубчикъ, собственными руками загребла тебя!» . . . Ничкомъ припала на погостъ и воетъ и воетъ; только и добился отъ нея, что батюшку хочетъ видѣть, исповѣди просить.

—Что же съ ней такое? спросилъ я недоумѣвая.

—Господь ея вѣдаетъ, недоброе что то, сказалъ Никита, тяжело вздохнувъ. Боюсь какъ бы Макарь не напугалъ чего; съ него вѣдь всего станется, добавилъ Никита какъ бы про себя, внимательно осматривая свою истрепанную шапку.

Обмѣнявшись кое какими соображеніями съ несловоохотливымъ старостой, мы вмѣстѣ отправились въ церковь.

—Тутъ вотъ она была, указалъ Никита, когда мы вошли въ церковную калитку.

Я осмотрѣлся кругомъ, но на погостѣ Матрены не видно было. Съ церковнаго крылечка поднялись старушки ко мнѣ на встрѣчу и подошли подъ благословеніе.

—Гдѣ она? освѣдомился у нихъ Никита.

— Тамъ, батюшка, тамъ, въ церкви; угомонилась, кажется, сказала одна изъ нихъ, утирая слезившіеся глаза.

Мы вошли въ церковь. Пономарь Ефимъ прилаживалъ свѣчи къ на-мѣстнымъ ставникамъ; сынишка его Антошка пыхтѣлъ въ пономарѣ, раздувая уголья въ жаровнѣ. Въ церкви, и днемъ едва освѣщаемой небольшо-шими окошечками въ верхнемъ ярусѣ, теперь было почти темно. Богомоль-цевъ было немного, они тихо молились, стоя у входа; въ укромной мѣстечкѣ за клиросомъ кто-то шептался и вздыхалъ; Матрены и здѣсь я не замѣтилъ. Окончилась вечерняя служба. Богомольцы, зашедшіе въ церковь больше по пути съ полевыхъ работъ, набожно крестясь, прикладывались къ образамъ, клали земные поклоны, вздыхали и, не торопясь, оставляли храмъ; ушелъ и пономарь съ Антошкой. Староста собирался тушить послѣдніе огни и въ нетерпѣливомъ ожиданіи меня, займшавшагося въ ризницѣ, переми-налъ уставшіе ноги, стуча о кирпичный полъ подковами сапогъ.

— Что, Матрена здѣсь? обратился я къ нему, выходя съ восковымъ огаркомъ.

— Должно быть ушла, недоумѣваяще сказалъ Никита, озираясь кру-гомъ; что то не видно.

Я уже взялся было за шляпу, какъ изъ-за темнаго угла клироса пока-залась женщина и подошла къ намъ. Никита молча посторонился и не то удивленно, не то укоризненно посмотрѣлъ на нее, какъ бы говоря: и чего это ты непутевая пряталась отъ меня? То была Матрена. Она казалась очень слабою и еле держалась на ногахъ. Тщедушная фигура ее сморщилась, какъ бы осѣла; пожелтѣвшее лицо выражало тяжелое страданіе, глаза были крас-ны отъ слезъ.

— Что у тебя видъ такой нехорошій, участливо освѣдомился я. Матрена молча приняла благословеніе.

— Можетъ быть горе какое случилось? Всѣ ли дома здоровы? При послѣднихъ словахъ лицо бѣдной женщины перекосилось, выражая внутреннюю муку.

— Исповѣди прошу, батюшка! тихо умоляюще начала она и запнулась, убійца я... собственными руками загребла я... Назаръ мой, Назаръ! Голосъ бѣдняги дрогнулъ, какъ подкошенная опустилась она на холодный полъ и глухія, тяжелыя рыданія оглушили опустѣвшій храмъ.

Всѣмъ существомъ своимъ я понялъ, почувствовалъ, что у Матрены большое горе. Предоставивъ ей слезами облегчить свои страданія, я приказалъ

Никитѣ зажечь лампаду у мѣстной иконы Спасителя, поставить аналой и сказалъ на столько громко, чтобы и Матрена услышала, что буду читать сперва покаянный канонъ, а потомъ исповѣдывать.

Началось чтеніе. Уставшій отъ дневныхъ работъ Никита, оправивъ кое—гдѣ свѣтильни, тяжело вздыхая, вышелъ изъ церкви, благоразумно сообразивъ что при этакой оказіи лучше оставить кающуюся наединѣ съ батюшкой. Въ церкви мы остались вдвоемъ. Трудно передать на словахъ мое тогдашнее душевное настроеніе и пережитыя ощущенія. Глухія, за сердце сжимающія рыданія Матрены, таинственный полумракъ ветхой деревенской церкви, кротко смотрящій изъ-за мигавшей свѣтильни древняго, потемневшаго письма, ликъ Спасителя, едва замѣтныя въ полумракѣ очертанія святыхъ угодниковъ, воспринявшихъ въ этихъ стѣнахъ храма не мало людскаго горя и сердечныхъ стеновъ, покаянный, цѣлительнымъ бальзамомъ лежащіяся на больную душу пѣсни канона, — все это какъ то особенно подымало молитвенное настроеніе; все это вмѣстѣ размягчало душу, окрыляя мятущееся сердце надеждой на милосердіе Божіе и прощеніе.. Это настроеніе мало-по-малу передалось и несчастной женщинѣ. Бурнымъ потокомъ прорвавшееся горе начало стихать; Матрена скоро перестала плакать и, стоя на колѣняхъ у аналая, тихо повторяла за мною слова молитвы. Кончилась исповѣдь. Боже, какой радостію, какимъ счастьемъ блистѣли красные отъ слезъ глаза Матрены, когда она, приложившись къ образу Спасителя подошла благодарить меня. Точно евангельскій разслабленный, услышавъ божественныя слова: «Чадо, отпущаются грѣхи твои!» Матрена окрѣпла и какъ бы повеселѣла.

Было уже совсѣмъ темно, когда я, Матрена и вздремнувшій было на крылечкѣ Никита, вышли изъ церковной калитки. Въ крестьянскихъ хатахъ замелькали огоньки, потонулъ лѣсъ въ сумеркахъ, чуть видѣясь на горизонтѣ исполинской черной массой; потемнѣла свѣтлѣвшая лента рѣчки, пропадая въ извилистыхъ берегахъ своихъ. Поручивъ Никитѣ проводить Матрену до ея хаты, я направился къ себѣ.

— Однако, долго же вы, батюшка, молитесь; такъ встрѣтилъ меня становой Д., стоя посреди моей столовой и дымя сигарой.

— Николай Ивановичъ, какими судьбами? удивился я.

— Я уже, батенька, въ селѣ управился и у васъ успѣлъ: пятерку яичекъ проглотилъ, двумя стаканчиками красненькаго запилъ. Вотъ только

досада: мы съ вашимъ Михалкомъ водочки не нашли; оно бы, знаете, къ яичницѣ не въ примѣръ бы лучше, особенно...

— Да вы... началъ было я.

— Служба вѣдь моя такая канальская: гдѣ ночь, гдѣ день; мечешься этой самой судьбой, какъ шаръ на билльардѣ, вотъ и къ вамъ въ Шестеринцы попалъ.

— По дѣлу Макара Визнюка должно быть?

— Вотъ, вотъ по этому. Сегодня съ постели чуть заря меня подняли изъ-за этого молодца. Я ночевалъ въ Л.; тамъ провозился съ ними, да сюда пришлось еще трястись чуть не два перегона... ну, за то и вывелъ же я ихъ молодчиковъ на чистую воду; упекуть теперь товарищей, закончилъ становой и принялся закуривать потухшую было сигару.

Впечатлѣнія сейчасъ пережитаго развинтили мои нервы: въ вискахъ стучало, чувствовалась общая слабость.

— Что же мы однако стоимъ? пригласилъ я становаго, опускаясь на близь стоявшій стулъ.

— Благодарствуйте; насижусь еще въ таратайкѣ пока домой доплетусь, а завтра вѣдь опять чуть заря—пожалуйте капитанъ Д. въ Р..

— Что, опять несчастье какое?

— Пустое: баба тамъ, знаете, у одного мужиченка загуляла. Муженекъ то терпѣлъ, терпѣлъ, а потомъ напился какъ то да и принялся бабу на путь истинный направлять... ну, въ горячности, и передалъ кутьи меду, какъ хохлы говорятъ: бабу на тогъ свѣтъ и отправилъ. Случай—несчастный; бабу не воротить уже, а мужиченка жаль, хороший былъ парень.

— Да ужъ выпивка къ добру не поведетъ, замѣтилъ я.

— Выпить то можно, батюшка, даже необходимо бываетъ, вотъ хоть бы въ моей службѣ безпокойной, или при трудѣ тяжеломъ, да напиваться не слѣдуетъ, а для этого царя въ головѣ надо всегда имѣть.

— «Возлѣ огня ходить—трудно не обжечься», знаете, Николай Ивановичъ, эту поговорку. Да вотъ вамъ и печальный примѣръ: Макаръ Визнюкъ, кажется, имѣлъ царя въ головѣ, какъ вы выражаетесь; прекрасный былъ человекъ...

— Что же вы думаете, перебилъ меня становой, вино его погубило?

— Да, думаю...

— Ошибаетесь, отецъ родной, жестоко ошибаетесь. Нашего хваленаго унтера компанія мерзская погубила; я знаю эту исторію. Ну и наши господа чиновные плохую службу ему сослужили, добавилъ становой, немного помолчавъ.

— Это какъ же?

— А вотъ также.... становой сердито стряхнулъ пепель съ сигары и принялся ходить по комнатѣ. Курить, кадить начали ему, продолжалъ онъ, уставившись на меня; ты, «Макаръ Павловичъ», и такой и сякой... старшиной тебѣ быть, а не старостой! словомъ—ума палата, добродѣтель.... Эка, подумаешь, рѣдкость! У меня въ ротъ и получше мелодцы бывали.... да вѣдь не стану же я всякаго изъ нихъ при ротѣ по головкѣ гладить, пересолишь щи, вонъ выбросишь. А тутъ явится бывало староста Макаръ по службѣ, а начальство съ нимъ брататься.... народники вѣдь у насъ теперь пошли въ моду, демократы.... пусто бы имъ было! выругался становой и грузно опустился на стулъ. Мерзавцевъ то много есть, продолжалъ онъ немного погодя; замѣтили они, что Макаръ—сила грядущая.... нужный человекъ будетъ при подрядахъ разныхъ, при наймѣ рабочихъ на фабрики, въ экономіи и пр. и ну воздѣ него вилять, приманку кидать.... Тутъ жидвинокуръ на свой праздникъ зоветъ старосту, тамъ на именины управляющій приглашаетъ, а тамъ самъ баринъ въ городѣ встрѣтится, въ номерокъ пригласить, чаю съ ромкомъ предложить и пр. Макаръ и вошелъ во вкусъ, и вскрутилась его мужичья голова. Ну, конечно, «нельзя же и старостѣ Макару остаться въ долгу у господъ; денежки то водились и свои и общественные.... и началъ нашъ унтеръ съ господами квитаться. Когда начальство хватилось за умъ и старосту развѣнчало, покрупнѣе то знакомство Макара сразу отвалило, а шаромыжники—пропойцы продолжали сосать свою жертву. Началь нашъ унтеръ съ высоты своего величія спускаться все ниже и ниже, сталъ уже и въ кабакахъ заночевывать; а потомъ, слышу, Макаръ и за ремесло принялся....

Старый мой служака Михайло принесъ пыхтѣвшій самоваръ и поставилъ на столъ.

—Такъ, братъ, мы съ тобою водочки и не нашли, обратился къ нему становой. Да, нехорошо; для гостей бы держали, коли сами не пьете.

Михайло ухмѣльнулся въ бороду и молча удалился. Я принялся заваривать чай.

—Да вы что, нездоровы? обратился ко мнѣ становой, видѣ у васъ такой.... али гостю не рады?

—Что вы, Николай Ивановичъ, усталъ я немного, это правда.

Въ дверяхъ показался опять Михайло и доложилъ, что «сотскій желаетъ видѣть его в—діе».

— Чего бы то ему еще? досадливо замѣтилъ становой, неохотно направляясь въ переднюю.

— Ну, что тебѣ? обратился онъ къ пришедшему, стоя на порогѣ.

— Бабу то сейчасъ поймали, заявилъ сотскій.

— Гдѣ она пропадала?

— Не могу знать ваше в—дѣ, говоритъ въ церкви была. Какъ прикажете поступить съ ней? Становой задумался.

— Больно ужъ она плоха, точно курица мокрая, продолжалъ сотскій; просится ослобонить до утра, причаститься хочеть у обѣдни; я, говоритъ, «не убѣгу, не зачѣмъ мнѣ прятаться».

Жаль мнѣ стало бѣдную женщину; я подошелъ и просилъ пристава оставить Матрену на свободѣ, поручившись, что она не уклонится отъ суда.

— Ну ладно, оставь бабу, не уйдетъ, согласился становой, а за тѣми, братецъ ты мой, того... понимаешь?

— Слушаюсь, будьте благонадежны, ваше в—дѣ.

Становой сталъ дѣлать еще кое какія распоряженія, а я подошелъ къ столу и началъ разливать чай.

— Да, ловко я ихъ того... какъ коршунъ птенчиковъ накрылъ, началъ становой, принимая отъ меня стаканъ чаю. Они было сюда, туда; ибѣтъ, братцы, вы не финтите, а сознайтесь, лучше будетъ. Они помялись, помялись голубчики мои, да всю правду матушку и выложили мнѣ. Диву дался мужички ваши; многіе еще и не знали до моего приѣзда, какая у нихъ бѣда стряслась въ деревнѣ, а капитанъ Да тутъ какъ тутъ!

— Да, согласился я, вы дѣйствительно быстро и умѣло выполнили свои обязанности. Я самъ только вечеромъ узналъ объ этомъ отъ жены Макара.

— Вы ее гдѣ видѣли? удивился становой.

— Въ церкви сейчасъ была у вечерни, исповѣдывалась.

— А, каятѣся, значить ходила, что мужа въ рукахъ плохо держала; ну, что она, горюеть?

Я сообщилъ, что находилъ возможнымъ.

— Да что она сама себя казнить? замѣтилъ становой. Арестованные прямо сказали на дознаніи, что подъ угрозой смерти заставили ее помочь имъ упрятать убитаго. Дѣло вотъ какъ было, началъ становой, закуривая новую сигару и поближе усаживаясь ко мнѣ.

Приставъ кратко передалъ мнѣ о случившемся и скоро уѣхалъ.

Вотъ послѣднія страницы изъ печальной исторіи Макара Визнюка.

За годъ до настоящаго событія, Макаръ съ другими товарищами составили шайку воровъ, въ которую залучили было и Назара. Но Назаръ подъ влияніемъ матери отсталъ отъ шайки. Эта перемѣна чрезвычайно не понравилась отчиму и отношенія ихъ съ каждымъ днемъ обострялись. Последняя воровская операція Макара и его компаніи, въ которой Назаръ не принималъ никакого участія, сдѣлана была крайне не удачно: улики противъ воровъ всплывали одна за другой, плохо спрятанные концы, какъ бы невидимой рукой подбирались и передавались властямъ. Воры, понявъ свое положеніе, метались сюда и туда, чтобы найти предателя и хотъ выместить на немъ свою злобу и общимъ совѣтомъ порѣшили убить Назара, такъ какъ онъ одинъ могъ знать о похожденияхъ отчима и сообщить кому слѣдуетъ нужныя свѣдѣнія. «Да, убить проклятое отродье», сказалъ Макаръ, — пусть знаетъ, какъ идти противъ батька!» и участь несчастнаго Назара была рѣшена. Наканунѣ ярмарки въ Л. поздно вечеромъ Макаръ пришелъ изъ кабака со своимъ пріятелемъ и товарищемъ по ремеслу Тарасомъ и, погоривъ между собою, порѣшили ѣхать завтра чуть свѣтъ на ярмарку, чтобы продать лошадь, и предложили Назару составить имъ компанію. Назаръ, не подозрѣвая ужаснаго замысла въ этомъ предложеніи, согласился. «Ну, какъ то удастся ярмарка; принеси-ка, жонка, еще водки», приказалъ Макаръ. Матрена, забитая и обезличенная жестокостію мужа, въ последнее время автоматически исполняла всѣ его приказанія. Водка была принесена. Выпили по одной, по другой, напирая больше на Назара, и когда замѣтили, что послѣдній уже значительно охмѣлѣлъ, то отчимъ обратился къ нему съ такой рѣчью: «Иди же ты, сыну, къ лошадямъ и ложись спать возлѣ конюшни, а я еще немного побалагурю съ кумомъ и прійду къ тебѣ ночевать. Назаръ, уже давно клевавшій носомъ, охотно принялъ предложеніе и тотчасъ вышелъ ихъ хаты. Заложивъ корму лошадямъ, онъ легъ возлѣ конюшни и скоро уснулъ. Макаръ и его товарищъ поговорили еще въ полголоса и вышли изъ хаты, сказавъ хозяйкѣ, что идутъ спать вмѣстѣ на сѣноваль. Сердце матери забилося тревогой. Изъ двухъсмысленныхъ рѣчей она заключила, что затѣвается что то недоброе, но, зная ужасный нравъ мужа, не попыталась ни однимъ словомъ остановить ихъ. Когда они вышли изъ хаты, то и она, влекомая какой то непонятной силой, тихонько послѣдовала за ними. Подробности этого ужаснаго преступленія она видѣла и передала потомъ.

Макаръ тихо, какъ кошка, подкрался къ Назару и прислушался.

— Спать, едва слышно промолвилъ онъ, обратившись къ товарищу и, вдохнувъ, остановился въ нерѣшительности.

— Ну, чего обабился, сказалъ Тарасъ и передалъ ему орудіе.

Макаръ взялъ дубинку, прицѣлился, взмахнулъ... кровь брызнула въ лицо убійцы и Назара не стало.

— Соваешь ногами, спохватился Тарасъ, бей еще!

Ноги убійцы подкосились и онъ молча опустился на землю.

— Эхъ, баба же ты, съ досадой замѣтилъ товарищъ, а еще военный... поднялъ дубинку и еще опустил нѣсколько ударовъ въ голову безжизненнаго Назара.

— Ну, теперъ готово, убирайся за попа и будемъ хоронить твоего папыньку, нагло шутилъ Тарасъ.

— Охъ, не жартуй, братику! взмолился Макаръ, убили мы Назара, убей же и меня, не жить мнѣ уже на свѣтѣ!

— Что дашь? съ чудовищной наглостію спросилъ Тарасъ.

— Пятьдесятъ руб. есть при мнѣ, возмешь всё, отвѣтилъ Макаръ.

— Мало будетъ, давай сто руб., въ одинъ прицѣлъ укалашкаю.

— Братику, убей за пятьдесятъ! больше не имѣю, умолялъ Макаръ, ежалься, убей...

— Охъ, Боже мой, милосердный! Боже мой... застонала не выдержавшая этой сцены торга, оцѣпенѣвшая отъ ужаса Матрена.

Присутствіе посторонняго свидѣтеля всполошило убійць.

— Убить бы и жонку, предложилъ Тарасъ, она выдастъ.

— Будетъ уже, будетъ, довольно и этого, остановилъ Макаръ разсвѣпѣвшаго товарища, она уже сумасшедшая: родное дѣтище убиваютъ, а она молчитъ и не остановила. Потомъ онъ подошелъ къ Матренѣ и, взявъ за руку, подвелъ къ свѣжему трупъ; какъ хочешь жить на свѣтѣ, обратился онъ къ трепетавшей женщинѣ, то помоги поскорѣе упрятать его, и держи языкъ за зубами.

Втроемъ они сдвинули стоящую на току копну сѣна, вырыли на томъ мѣстѣ яму, согнуль трупъ Назара пополамъ, зарыли землей и надвинули на то мѣсто опять копну сѣна. Покончивъ съ Назаромъ, убійцы послѣшно собрались и уѣхали на ярмарку версть за двадцать отъ Шестеринецъ.

Подъ вліяніемъ всего случившагося Матрена впала въ непонятное для нея состояніе; она чувствовала надъ собой дѣйствіе какой то страшной силы, отнявшей у нея и волю, и страхъ, и такъ близкія ей чувства матери. Она, казалось, забыла уже, что нѣсколько минутъ тому назадъ собственными

руками загребла съ убійцами трупъ роднаго Назара; Матренѣ казалось, что это таксе обыденное дѣло, какъ принести дровъ, растопить печь и т. п. Когда Макаръ съ товарищемъ собирались въ путь, она автоматически исполняла ихъ приказаніе. Когда они уѣхали со двора, она машинально заперла ворота, какъ и раньше дѣлала, проводивъ Макара въ ночныя экскурсіи, и направилась было въ хату, но тутъ ей въ темнотѣ какой-то предметъ подъ ноги попался, она нагнулась и подняла—то былъ мѣшочекъ съ овсомъ въ торопяхъ оброненный уѣхавшими; Матрена отнесла его подъ навѣсъ амбара, завернула отсюда по близости въ сарай, прибавила корму коровѣ и направилась было опять въ хату, но едва она вступила на порогъ, какъ силы ея ослабѣли, ее охватилъ ознобъ, въ глазахъ помутилось, заходили желтые круги, запрыгали огни; потомъ что то подступило къ горлу, захватило дыханіе . . . и сильнѣйшее нервное возбужденіе разразилось жестокимъ истерическимъ припадкомъ . . . несчастная тутъ же опустилась на землю и забилась въ судорогахъ. Но это продолжалось не долго. Страшная мысль ножомъ полоснула сердце матери и ужасомъ охватила все ея существо. Она сразу какъ то поняла все случившееся. Съ дикимъ воплемъ бросилась Матрена къ мѣсту преступленія, и съ невѣдомой прежде ей силой принялась рвать и разметывать ужасную копну, похоронившую ея роднаго Назара. Ей казалось, что сынъ ея еще живъ, что онъ задохнется въ тѣсной ямѣ; она даже слышитъ оттуда голосъ его: «мамо, мамы! я живъ, помоги» . . . Обезумѣвшая мать останавливается, прислушивается и съ новой силой принимается рвать и разметывать копну, а голосъ Назара все слышнѣе и слышнѣе чудится ей. . .

Глубокая ночь стояла надъ селомъ. Натрудившіеся за долгій лѣтній день въ полѣ крестьяне спали теперь мертвецкимъ сномъ; вездѣ было тихо, слышался только издали лай безсонной собаки, да въ сосѣднемъ дворѣ жалобно кричалъ филинъ, какъ бы сочувствуя горю несчастной матери. Матрена, наконецъ, бросила работу, выбѣжала на улицу и принялась стучать въ дверь первой попавшейся хаты. Тамъ жилъ крестьянинъ Лысюкъ съ сыномъ и невѣсткой. Встревоженные хозяева долго не могли понять что случилось. Матрена плакала, рассказывала, путалась, повторялась и опять плакала. «Онъ еще живъ, живъ, скорѣй!» кричала она. Понявъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, Лысюкъ съ сыномъ и невѣсткой въ сопровожденіи Матрены бросились въ злополучную усадьбу. Быстро сдвинули копну, разрыли яму и вытащили . . . теплый трупъ Назара. Матрена съ крикомъ: сыночекъ

мой, сынокъ! бросилась на трупъ, да такъ и замерла въ вѣдомомъ оцѣпенѣннѣи. Съ трудомъ разняли ея руки, освободили бездыханнаго Назара изъ объятій матери; она была въ глубокомъ обморокѣ. Трупъ положили на прежнее мѣсто и опять надвинули копну, а Матрену отнесли къ себѣ и принялись приводить въ чувство. Матрена очнулась было; дико поведя глазами кругомъ и опять впала въ забытѣе и только къ полудню она пришла въ себя и стала тихо плакать. Между тѣмъ старикъ Лысюкъ, предоставивъ заботу о Матренѣ домашнимъ, немедленно далъ знать сельскому старостѣ, который приказалъ строго никому не говорить о случившемся, вмѣстѣ съ нимъ пустился въ погоню за убійцами. На разсвѣтѣ они были уже на мѣстѣ ярмарки. Совершенно случайно въ эту же ночь тамъ ночевалъ становой Д., которому они сообщили о случившемся. Часа черезъ два Макара съ товарищемъ накрыли въ одномъ изъ загородныхъ притонovahъ убійцы тутъ же сознались.

Прошло дней пять послѣ происшествія въ ужасную ночь; меня позвали напутствовать Матрену. Я засталъ ее въ жестокой горячкѣ; больная никого не узнавала, черезъ недѣлю мы ее и похоронили.

Долго таки пришлось ждать крестьянамъ села Шестеринецъ, пока дѣло Макара назначено было къ слушанію въ мѣстномъ окружномъ судѣ. Макаръ все время сидѣлъ въ тюрьмѣ. По разсказамъ видѣвшихъ его, онъ очень похудѣлъ и измѣнился, сдѣлался молчаливый, тихій, «точно овечка». Скорѣе бы, скорѣе судили меня, «моченьки моей нѣтъ!» жаловался онъ землякамъ навѣщавшимъ его.

Макара приговорили къ каторжнымъ работамъ на нѣсколько лѣтъ, а по отбытіи наказанія къ поселенію въ Сибири навсегда.

Подсудимый послѣдняго наказанія больше всего боялся. Въ предоставленномъ ему судомъ «послѣднемъ словѣ» онъ говорилъ: судите меня, карайте меня, я этого стою: я виноватъ и предъ Богомъ и предъ людьми, но дайте мнѣ надежду, что я ворочусь хоть на короткое время жизни въ родную деревню; я искуплю передъ нею свою вину, я вымолю у нея прощенье, я хочу лечь въ могилу рядомъ съ моей несчастной женой, которую я загубилъ своею безпутною, безбожною жизнью!

Горько плакалъ Макаръ, когда услышалъ свой роковой приговоръ; плакали бывшіе когда то друзья и ученики Макара, провожая близкаго чело-вѣка въ тюрьму на вѣчную разлуку.

Извѣстіе объ участи Макара произвело тяжелое впечатлѣніе среди обы-

вателей села Шестеринець. Какъ ни зловреденъ былъ Макаръ послѣдній годъ для общества своимъ преступнымъ ремесломъ, какъ ни тяжело было его послѣднее преступленіе, но это общество забыло, казалось, всё грѣхи и проступки его; таково ужъ свойство души простодушнаго крестьянина, всепрощающей и оплакивающей всякаго покойника, а Макаръ былъ покойникъ для села. Это общество охотно простило бы блуднаго сына, если бы правосудіе возвратило его.

«Кто прочтетъ въ церкви такъ красно и внятно, какъ бывало Макаръ, кто бумагу напишетъ къ мировому, кто за общество постоитъ предъ начальствомъ, кто совѣтъ умный подастъ, какъ не Макаръ?! Загубили его горемычнаго злые люди! Теперь нѣтъ у насъ Макара—нѣтъ у насъ защитника и совѣтчика нашего!» Такъ жаловались крестьяне, собравшись ко мнѣ, чтобы подѣлиться печальной вѣстью; нѣкоторые изъ нихъ плакали. Тяжело было смотрѣть на эти слезы; что то больно щемило сердце, точно могильная плита сдавливала грудь. Нельзя было не сочувствовать крестьянамъ, нельзя было не скорбѣть съ ними о гибели человѣка безспорно умнаго, честнаго, религіознаго; человѣка, могущаго сослужить великую службу родной сѣрой деревни, но подъ вліяніемъ дурнаго сообщества загубившаго великіе дары Божіи! Непреложны слова Св. Писанія: *съ нечистивыми развратишися*. Глубокое жизненное значеніе имѣетъ для насъ слабыхъ людей и совѣтъ Премудраго: *Сыне мой! Если грѣшницы будутъ обольщать тебя, не соглашайся . . . не ходи съ путъ съ ними*.

Благочинный 7-й пѣхотной дивизіи Священникъ Іоаннъ **Ирочицкій**.

Г. Петроковъ, 26 мая 1895 года.

ВОЗЗВАНІЕ

На построеніе военнаго храма въ г. Бендерахъ, въ память чудеснаго событія—17-го октября 1888 года.

Достолюбезнѣйшіе благотворители и всѣ истинно Русскіе люди!

День 17-го октября 1888 г., Православная Русь благоговѣйно до сего времени ознаменовываетъ многоразличными памятниками вѣры. Представители военнаго вѣдомства, по инициативѣ жандармскаго подполковника Вырубова, возбудили ходатайство о построеніи военнаго храма въ г. Бендерахъ «въ честь Святаго Благовѣрнаго и Великаго Князя Александра

Невскаго», какъ для квартирующаго нынѣ Подольскаго полка, такъ равно и для другихъ войскъ, могущихъ имѣть пребываніе въ ономъ.—Изъ убѣжденія, какое сильное вліяніе оказываетъ церковь Божія на Русскихъ христіанскихъ воиновъ, защитниковъ дорогаго отечества, размѣщенныхъ на окраинахъ матушки—Россіи, и, мѣстная интеллигенція отнеслась съ сердечнымъ участіемъ къ мысли построить военную церковь, въ память чудеснаго событія—17 октября 1888 года. Бендерская Дума пошла на встрѣчу благочестивымъ начинаніямъ и отвела бесплатно участокъ земли. 1894 года, 7-го августа, состоялась закладка храма. Въ настоящее время постройка сего храма, за недостаткомъ средствъ, прекращена. Тяжело оставаться равнодушнымъ къ такому святому и великому дѣлу, а потому въ виду крайней необходимости, обращаюсь за помощію ко всѣмъ благотворителямъ земли Русской и, въ особенности, прошу отцовъ и собратовъ своихъ по службѣ, стать въ братскомъ союзѣ и милостиво помочь святому сему дѣлу, чтобъ быть примѣромъ для будущихъ поколѣній.

Всякая жертва будетъ принята съ великою благодарностію и имена всѣхъ благотворителей будутъ поминаемы при совершеніи Безкровной жертвы.

Сборъ пожертвованій возложенъ Комитетомъ на подполковника Николая Алексѣевича *Вырубова* (въ г. Бендерахъ, Бессарабской губ.).

Благочинный 14-й пѣхотной дивизіи, 55-го пѣх. Подольскаго полка Священникъ Александръ *Орловъ*.

Редакторъ-Издатель, Свящ. *Іоаннъ Таранецъ*.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

С.-Петербургъ, Августа 22 дня 1895 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тисонъ*.

Тип. «Артил. Журн.», Фурштатская, 21.